

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет исторических и политических наук

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕГОДНЯ: НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ

**Сборник материалов XVI Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 21–23 апреля 2021 г.)**

Выпуск 16

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

Н.М. Таскаев

КОММЕМОРАТИВНЫЕ НАРРАТИВЫ УЧАСТНИКОВ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ КАК ЧАСТЬ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕЖДЁННЫХ

Автор поднимает проблему победы «белых» в борьбе за культурную память о Гражданской войне. Для решения проблемы осуществляется анализ ключевых концептов, отраженных в эго-документах участников антибольшевистского движения в Сибири. Выдвигается гипотеза о том, что анализируемые тексты являются коммеморативными нарративами, сообщающими мемориальную стратегию «белых» героический трагизм.

Ключевые слова: Гражданская война; антибольшевистское движение; мемуары и дневники, мемориальная политика

Гражданская война в России происходила не только на полях сражений, но и в идеологическом пространстве [1. С. 7]. Здесь противостоящие стороны стремились стигматизировать друг друга при помощи слова [1. С. 7]. «Белые», потерпев поражение на полях сражений, тем не менее выиграли в борьбе за культурную память о Гражданской войне [1. С. 8].

Возникает вопрос: почему парадоксальная победа проигравших была возможна?

Нарративы, созданные участниками антибольшевистского движения, выполняли коммеморативную функцию не только, потому что являлись свидетельством былого, но и потому что были частью мемориальной политики побеждённых. Выявление специфичных черт стратегии репрезентации прошлого в текстах, написанных участниками антибольшевистского движения, позволит до определенной степени объяснить парадокс победы проигравших.

Нашим эмпирическим материалом будут эго-документы некоторых участников Белого движения в Сибири. Для концептосферы, которую мы видим в данных текстах, характерна распространённость образного компонента. При этом его наибольшая плотность присуща ключевым концептам. Так, метафоры и эмотивы используются для семантического наполнения концепта революции.

В дневнике Иосифа Ильина образный компонент концепта революции наполнен эмотивами. После неудачного выступления Л.Г. Корнилова автор отмечает в дневнике, что на сердце стало неопишимо горько из-за осознания упущенного шанса [2. С. 224], что Россия пропала [2. С. 237]. На следующий день автор описывает своё апатичное состояние и завершает запись мыслью о том, что всё стало бессмысленным и никчёмным [2. С. 237]. Далее мы видим, что политика большевиков, направленная на дегуманизацию офицеров, вызывала мрачные чувства отвращения, тоски, страха за близких [2. С. 242], полной беспомощности [2. С. 246].

Революция убила прежнюю Россию. Мы видим метафорическое структурирование природы «мёртвой» России. Отмечается, что на всем лежала печать неизъяснимой грусти и обреченности. Умерла Волга, вокзал, мост и пристань [2. С. 293]. Всё вокруг находилось в трагичной и тягостной дымке, всё стало чужым и враждебным [2. С. 286]. С приходом революции всё умерло [2. С. 288].

В воспоминаниях Г.К. Гинса присутствует интертекстуальный фрагмент, отсылающий к роману Ф.М. Достоевского «Бесы». Автор пишет, что программа «светлой личности», заключающаяся в ликвидации дворянского сословия, царского режима, обобществлении частной собственности, уничтожении таких институтов, как церковь и брак, реализовалась в России. Теперь вокруг происходят убийства и мерзости, творимые революцио-

нерами, которым русская общественность не даёт отпор. Уничтожаются культурные сокровища, установилась деспотическая революционная власть, создавшая рабство, основанное на социалистической идее равенства [3. Т 1. С. 41].

Ключевым в эго-документах является также концепт врага. Для семантического наполнения образного компонента характерно номинативное разнообразие. Так, К.В. Сахаров использует следующие номинации для обозначения большевиков: «зловещий призрак кровавого интернационала», «костлявый смеющийся скелет, сидящий на чудовищном животном», «социалистическая зараза» [4. С. 117], «хищные крючковатые руки интернационала», «всемирный Шейлок» [4. С. 144], «кучки святотатцев» [4. С. 25], «иуды» [4. С. 156], «гидра интернационала» [4. С. 86], «апостолы» социализма и насадители на земле нового рая» [4. С. 214].

Примечательно, что концепт врага включает в себя не только большевиков, но и внутреннего врага, тыл. Так, в тексте А.П. фон Будберга присутствует концепт атаманщины. Образный компонент концепта включает в себя структурные метафоры: «читинский нарыв» [5. С. 8], «читинское болото и его вздорные лягушки» [5. С. 14], «гнилые нарывы» [5. С. 15], «белый большевизм» [5. С. 217].

Понятийный компонент составляют признаки «атаманщины»: во-первых, комиссаровская психология, скрывавшаяся за патриотизмом и преувеличенной показной ненавистью к большевикам [5. С. 15]. Во-вторых, деструктивная деятельность в тылу, выражавшаяся в грабежах и убийствах, насилии. В-третьих, своим произволом атаманщина дискредитировала антибольшевистское движение в глазах населения России, тем самым она помогала большевикам [5. С. 16].

Проанализируем образный компонент концепта Белого движения. Образ А.В. Колчака является его неотъемлемой частью. Г.К. Гинс подчёркивает, что образ адмирала и Белого движения

должны восприниматься нераздельно [3. Т 1. С. 6]. Используя структурную метафору, автор подчеркивает, что А.В. Колчак сделал всё возможное в борьбе против «красных» и прошёл свой крестный путь [3. Т 1. С. 6]. С помощью эмотивов делается акцент на чрезвычайно трагическом, мученическом, скорбном и печальном образе Верховного правителя [3. Т 1. С. 9].

Примечательно, что Белое движение характеризуется как исключительно русское явление. Так, мы видим, что антибольшевистские силы наделены чертами былинной, мифической «русскости». К.В. Сахаров отмечает, что Русь объединилась для того, чтобы уничтожить «полчища большевиков» [4. С. 7]. «Белые» питали горячую любовь к России и ненависть ко всему большевистскому, они отличались выносливостью и несмотря на отсутствие нужного обмундирования героически боролись с «красными» [4. С. 27]. В среде «белых» царил идиллия, выражавшаяся в сплоченности, добросовестной службе, вере в справедливость, духе равенства и доверия [4. С. 27]. «Русскость» предполагала религиозность. Белые именуются «полчищами новых крестоносцев», направившими все усилия, приносившими себя в жертву ради победы над большевизмом, который стремился уничтожить христианскую культуру [4. С. 156]. Русский народ искал спасения в церкви, участвовал в великопостных богослужениях в ожидании воскресения былой Руси [4. С. 87].

Проанализировав ключевые концепты, отраженные в эго-документах участников Белого движения в Сибири, мы можем изложить полученные выводы. Во-первых, для концептов: «революция», «враг», «Белое движение» характерна распространённость образного компонента, включающего в себя эмотивы и структурные метафоры, которые придают рассматриваемым текстам суггестивность.

Во-вторых, лейтмотивом семантического наполнения ключевых концептов является трагичность. Так, революция представ-

лена как трагедия России, водворившая в социальное, политическое и духовное пространства бессмысленность, никчёмность, мрак, тоску, отвращение, ужас, страх, грусть, обреченность, смерть, рабство, деспотизм, разрушение культуры. Концепт врага, распространяющийся как на большевиков, так и на внутреннего врага в лице атаманщины, также передаёт трагизм, с одной стороны, борьбы с могущественным врагом, олицетворявшим темные, злые силы, с другой стороны, трагизм удара в спину, предательства. Концепт «Белого движения» способствует самоауратизации, основанной на героизации участников Белого движения. Но героизм этот сопряжён с трагически тяжелыми условиями борьбы.

Таким образом, мы предполагаем, что эго-документы, являясь коммеморативными нарративами, сообщали мемориальной политике проигравших трагизм совместного страдания и жертвенности. Задачи, стоявшие перед коллективной памятью побеждённых, побуждали её носителей рефлексировать, артикулировать собственную интерпретацию Гражданской войны, обращающую горечь поражения в политическую мифологию, основанную на героическом трагизме. Коммеморативный потенциал трагедии проигравших оказался сильнее, чем радость победивших.

Отметим, что выдвинутая нами гипотеза может получить ещё больше обоснований в случае расширения корпуса анализируемых источников. Написанные участниками антибольшевистского движения тексты могут быть условно поделены на несколько волн коммеморативных нарративов. В рамках каждой волны могут быть выделены и проанализированы ключевые концепты. На основании полученных конструкторов может быть реализован компаративный анализ нескольких волн коммеморативных нарративов. Полученные выводы позволят углубить наше понимание парадокса победы проигравших и мемориальной политики антибольшевистского движения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 268 с.
2. Ильин И.С. Скитания Русского офицера: дневник Иосифа Ильина 1914–1920. М. : Русский путь, 2016. 480 с.
3. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 1. Пекин : Общество Возрождения, 1921. 327 с.
4. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. 324 с.
5. Будберг А. Дневник белогвардейца. М. : АСТ, 2001. 336 с.

УДК 2-562

У.В. Ястребова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ СИЦИЛИИ КАК ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Положение религиозного праздника в современной культуре Сицилии неоднозначно, однако, как форма эмоционально-символической деятельности он не теряет свою уникальную специфику. Что позволяет говорить о феномене праздника, в котором тесно переплетены народные и христианские традиции, а также сохраняются, пусть актуализируемые в театральной форме, ритуалы с элементами мимесиса. Рассматривая памятники в честь святых покровителей как объекты культурного наследия, автор пытается решить проблему определения их специфики, выявления их значимости и восприятия.

Ключевые слова: культ, политеизм, христианство, мимесис, памятник культуры

Культура Сицилии – синтез множества культур, в котором используются различные виды актуализации исторического и культурного наследия. Традиция, обусловленная исторически, географическими, климатическими особенностями, пред-